

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОФЕССОРЕ СУХОДОЛО

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Сибирский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации

Серия «Наследие томской медицины»

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОФЕССОРЕ СУХОДОЛО

Под ред. И.В. Суходоло, В.Н. Васильева

Томск
Издательство СибГМУ
2020

УДК 612(091)(092)
ББК 5г+28.707.3
В774

В774 **Воспоминания о профессоре Суходоло;** под ред. И.В. Суходоло, В.Н. Васильева. – Томск: Издательство СибГМУ, 2020. – 70 с.

ISBN 978-5-98591-132-9

Книга посвящена памяти доктора медицинских наук, профессора Владимира Демьяновича Суходоло (1919–2000), участника обороны Ленинграда, инвалида Великой Отечественной войны, работавшего в Сибирском государственном медицинском университете (СибГМУ, Томском медицинском институте) в 1948–2000 гг. С уважением, восхищением и любовью профессора В.Д. Суходоло вспоминают ученики, коллеги, друзья, члены семьи, родные.

Для тех, кто интересуется историей медицины, Сибирского государственного медицинского университета, Томска.

УДК 612(091)(092)
ББК 5г+28.707.3

*К 100-летию со дня рождения
и 75-летию Великой Победы*

ПРЕДИСЛОВИЕ

*М*ой отец Владимир Демьянович Суходоло был незаурядной личностью и прожил трудную, но красивую жизнь. Большую часть жизни он посвятил служению медицине, проработал на кафедре нормальной физиологии Томского медицинского института 52 года. Путь Суходоло-воина, с одной стороны, был коротким – неполных четыре месяца, а с другой, – растянулся на долгие 60 лет после ранения. Родившись в другой стране, отец навсегда стал преданным патриотом России, любил ее всем сердцем и передал эту любовь своим ученикам и потомкам.

Когда наступил 2019-й, год 100-летия со дня рождения отца, мне позвонил его ученик, профессор Владимир Николаевич Васильев и предложил опубликовать воспоминания об отце. Я засомневалась, ведь прошло 20 лет со дня его смерти, многих соратников уже нет, а молодежь вряд ли помнит. Рада, что ошиблась. Безмерно благодарна всем, кто принял участие в издании этой скромной книги.

Ирина Владимировна Суходоло

ЯРКИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПОКОЛЕНИЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

**Владимир Николаевич Васильев,
д-р биол. наук, профессор, СибГМУ**

28

июня 2019 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Владимира Демьяновича Суходоло, участника Великой Отечественной войны, выпускника Томского медицинского института, доктора медицинских наук, профессора, 52 года жизни отдавшего работе на кафедре нормальной физиологии Сибирского государственного медицинского университета.

Владимир Демьянович Суходоло был представителем поколения фронтовиков, прошедших испытания Великой Отечественной войны, имевших реальное представление о тяжелых сторонах человеческой жизни. Это поколение победителей определяло своей принципиальностью, храбростью и честностью большой период в жизни страны.

С профессором В.Д. Суходоло мне посчастливилось работать, общаться и дружить в течение 25 лет, с 1975 г., когда я был зачислен в аспирантуру при кафедре нормальной физиологии Томского медицинского института, до 2000 г. — года его ухода из жизни. Владимир Демьянович был моим учителем. Под его научным руководством я выполнил кандидатскую и докторскую диссертации, написал более 100 научных работ. При участии профессора В.Д. Суходоло я развивался как физиолог-экспериментатор, осваивал нормальную физиологию человека, специализировался в области изучения физиологии пищеварения. Владимир Демьянович был для меня не только научным руководителем, но тем человеком, под влиянием которого в значительной степени сформировалось мое научное мировоззрение, происходило осознание своей миссии ученого и педагога. Я глубоко благодарен ему за откровенные беседы

на разные темы, затрагивающие не только научные вопросы, но и проблемы культуры, нравственности. Нашему общению способствовало и то, что в течение последних лет мы работали в одном кабинете и имели возможность для обсуждения многих проблем.

Родился Владимир Демьянович в 1919 г. в Гайновке вблизи Беловежской пушчи, был четвертым ребенком в семье. Отец, Демьян Иванович Суходоло, был служащим на железной дороге, мать, Мелания Ивановна (дев. Гарустович), – домохозяйкой. Семья жила в собственном доме вблизи Беловежской пушчи. Владимир окончил начальную школу,

затем гимназию и лицей в Белостоке. Уже в раннем детстве много рисовал, затем прекрасно учился. В сентябре 1939 г. восточная часть Польши, в которой жила семья Суходоло, стала советской. Владимира призвали в Рабоче-крестьянскую Красную армию (РККА) и приняли курсантом в зенитно-артиллерийскую школу Ленинграда.

21 июня 1941 г. была объявлена учебная военная тревога. Младший сержант В.Д. Суходоло вместе с другими курсантами был направлен в составе зенитного расчета на мыс Лисий Нос (северная часть Финского залива), который сегодня вместе с Ораниенбаумом и Кронштадтом считается первым форпостом, сдержавшим наступление фашистов на Ленинград.

16 сентября 1941 г. советские войска оставили поселки Володарский и Урицк. Соединения Восьмой армии оказались отрезанными от основных сил, оборонявших Ленинград, и вынуждены были отойти в район Старого Петергофа и Ораниенбаума. Побережье Финского залива на участке Лигово – Новый Петергоф оказалось захваченным врагом. Так образовался Ораниенбаумский плацдарм, которому в 1944 г. было суждено сыграть важную роль в разгроме гитлеровцев под Ленинградом. Связь плацдарма с городом поддерживалась только по Морскому каналу, пролежавшему в непосред-

Курсант Владимир Суходоло,
Ленинград, 1940 г.

ственной близости от артиллерийских позиций врага. От огня его батарей советские войска несли ощутимые потери. Поэтому Военный совет фронта решил создать на северном берегу залива у поселка Лисий Нос перевалочную базу для более надежного снабжения войск, находившихся на плацдарме и в Кронштадте.

27 сентября 1941 г. во время массовой бомбардировки курсант Суходоло получил тяжелое ранение обеих ног. Прибывший для эвакуации катер доставил его и других бойцов в сортировочно-эвакуационный госпиталь № 2222 (в настоящее время – Северо-Западный государственный медицинский университет имени И.И. Мечникова). Далее – в больницу скорой помощи, где прозвучал вердикт знаменитого И.И. Джанелидзе: газовая гангрена, одну ногу ампутировать почти по тазобедренный сустав, вторую – пытаться сохранить, хотя она тоже была изрешечена осколками. Гильотинная ампутация правого бедра была проведена.

Город тем временем уже жил по законам блокады, обстоятельства требовали суровых мер, поэтому в список раненых, подлежащих эвакуации на большую землю, заносили только фамилии жизнеспособных пациентов. Умиряющего парня пожалела женщина-врач, недавно узнавшая о гибели сына, внешне, как ей казалось, похожего на Владимира. Она стала делиться с Володей своим продуктовым пайком, поставила его на костыли и в феврале 1942 г. отправила в эвакуацию.

Эвакуация была тяжелой, раненые находились в палатках обогрева на аэродроме, и, когда прилетел самолет, ходячие его быстро заполнили, а Владимира, который не имел возможности самостоятельно передвигаться, бросили в палатке. Его, потерявшего надежду, обнаружили в последний момент перед отлетом, поместили в самолет и вывезли на большую землю. Вероятно, это был один из первых случаев жизни, когда судьба оказалась к нему благосклонной. В течение долгого времени раненого везли в санитарных поездах. До ноября 1942 г. путь фронтовика пролегал по госпиталям Вологды, Череповца, Кемерово. В итоге Владимир Демьянович оказался в Сибири, в городе, о котором он вряд ли знал, и который стал его второй родиной, в городе ученых и студентов – Томске.

О войне Владимир Демьянович не любил вспоминать. А если и вспоминал, то со смешанным чувством гордости за победу

и чувством обиды за послевоенное отношение государства к ветеранам и инвалидам, когда слова «Родина вас не забудет» оказались лишь словами. На самом деле инвалиды получили маленькие пенсии и большие сложности в жизни, включающие в себя ограничения в решении чисто бытовых вопросов, выборе профессии, передвижении.

Моя бабушка, профессор Любовь Николаевна Березнеговская, вспоминала, что в конце 1940-х гг. на институтском вечере она обратила внимание на Владимира Демьяновича, который стоял у стены и рассматривал танцующих. На ее вопрос о том, почему он не веселится вместе со всеми, Владимир ответил, что он раньше очень любил танцевать, а сейчас ему остается только смотреть на то, как танцуют другие.

Начиная с 20-летия Победы над Германией, отношение государства к ветеранам изменилось в лучшую сторону. В этот период Владимир Демьянович участвовал в ветеранских мероприятиях, принимал с достоинством знаки внимания как ветеран Великой Отечественной войны. Он был весьма толерантным человеком, и заповедь «Не судите, да не судимы будете» для него являлась личностной ценностью. Единственный раз он нарушил ее, не простив недостойное высказывание одного из работников института в свой адрес, когда тот позволил себе иронизировать по поводу участия В.Д. Суходоло в войне. Владимир Демьянович пошел на конфликт с руководством института и добился его увольнения.

Профильный госпиталь, в котором Владимир оказался в Томске, размещался в здании нынешней школы № 10 (улица М. Горького, 55). Со слов Владимира Демьяновича, он не сомневался в необходимости получения высшего образования, хотел стать инженером. Состоявшийся выбор медицинской специальности был в известной степени случайным. В уходе за ранеными помогали студентки мединститута, из разговоров с ними он узнал о Томском медицинском институте. В госпитале он познакомился со своей будущей женой Еленой Григорьевной Жуковой, студенткой, проходившей практику. Эта встреча отчасти явилась первым обстоятельством, определившим выбор будущей профессии выздоравливающего Владимира Демьяновича.

Второе случайное обстоятельство – близость расположения медицинского института от госпиталя. Со слов Владимира Демьяновича, передвижение на костылях было для него затруднительным. И после подъема в гору со стороны Московского тракта, где был расположен госпиталь, первым институтом по пути стал медицинский. Владимир Демьянович зашел в главный корпус, обратился к руководству с просьбой о зачислении. В то время ректором Томского медицинского института (ТМИ) был профессор Д.А. Жданов, деканом лечебного факультета – М.М. Дегтярёв, они отнеслись к судьбе инвалида-фронтовика с большим участием. В 1943 г. он вне конкурса был принят на лечебный факультет ТМИ, получил место в общежитии и стипендию.

Практически сразу он отправился в анатомический корпус на лекцию. Свое появление в студенческой аудитории Владимир Демьянович вспоминал многократно и говорил о том, что первое, что его поразило – это лекционная аудитория, заполненная... красивыми девушками в белых халатах. К нему сразу подошла староста курса, сказала, что его ждут, и назначила девушек, которые должны были ему помочь в обустройстве и учебе. Началась учеба в институте: голод, холод, костыли. Связи с родственниками, находившимися на оккупированной фашистами территории, не было. Владимир, несмотря на инвалидность, отлично учился, занимался в научном студенческом кружке, был активен в общественной жизни. Стал старостой группы участников Великой Отечественной войны, затем членом комитета комсомола вуза, председателем студенческого профкома. В 1947 г. был принят в ряды Коммунистической партии Советского Союза (Всероссийской коммунистической партии большевиков). За успехи в учебе и общественной работе со 2-го курса получал стипендию имени И.В. Сталина.

Владимир Демьянович очень хотел стать хирургом. Но в связи с тем, что хирургическая специальность предполагает работу стоя, а после ранения и ампутации конечности он не мог долго стоять, от хирургии пришлось отказаться. Выбор будущего пути был остановлен на экспериментальной физиологии. С отличием окончив лечебный факультет ТМИ, поступил в аспирантуру при кафедре нормальной физиологии, возглавляемую в то время лауреатом

Сталинской премии профессором Б.И. Баяндуровым. Владимир Демьянович с воодушевлением занялся разработкой темы диссертации, посвященной механизмам высшей нервной деятельности.

Первым научным руководителем В.Д. Суходоло был великий профессор Борис Иванович Баяндуров, а после его трагической гибели в 1948 г. – профессор Евгений Фёдорович Ларин. Под их влиянием произошло становление В.Д. Суходоло как ученого.

Тематика научных исследований В.Д. Суходоло после смерти профессора Б.И. Баяндурова изменилась, в 1952 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Моторная функция желчевыводящего аппарата в онтогенезе». Исследования проводились на щенках, которым в возрасте от 1 до 6 месяцев была наложена фистула общего желчного протока. В дальнейшем у животных регистрировалась моторика желчевыводящего аппарата под влиянием стандартных пищевых раздражителей – молока, мяса и хлеба.

Желчь, собранная во время экспериментов, подвергалась биохимическому исследованию: определялось ее количество, относительное содержание билирубина, желчных кислот. Оказалось, что моторная функция желчевыводящего аппарата печени у щенков в разные периоды онтогенеза имеет особенности. Это касалось латентного периода желчевыделения на разные пищевые раздражители и интервалов между сокращениями желчного пузыря и продолжительности желчевыделительного периода. Особое внимание исследователя привлек факт образования язв двенадцатиперстной кишки при хронической потере животными желчи.

Как писал его научный руководитель Е.Ф. Ларин, «... автор совершенно правильно положил в основу своего исследования богатейший материал павловской школы, который им не только хорошо изучен, но и умело использован при постановке многочисленных опытов». По окончании аспирантуры в 1951 г. В.Д. Суходоло стал работать ассистентом кафедры нормальной физиологии, а в 1956 г. переведен на должность доцента этой кафедры.

В то время кафедра нормальной физиологии обладала мощной научно-исследовательской базой: большой теплый виварий для собак на 25 клеток, две операционных, несколько экспериментальных лабораторий.

После государственного экзамена по терапии, 1948 г.

Слева направо, средний ряд: ассистент Т.В. Плакидина, профессора
А.А. Перельман, И.В. Воробьев, Д.Д. Яблоков, Б.С. Пойзнер, А.Ф. Смышляева

Группа аспирантов Томского медицинского института, 1951 г.

Слева направо, верхний ряд: неизвестный, О.М. Ордина, Д.А. Грацианов,
Н.М. Тихонова, В.Д. Суходоло; средний ряд: В.А. Чернова,
профессора Д.И. Гольаберг и И.В. Торопцев, неизвестная;
нижний ряд: неизвестная, О.М. Прегер

На кафедре сложился плодотворно работающий коллектив, ядро которого составляли бывшие фронтовики Е.Ф. Ларин, В.О. Локотко, Е.И. Селицкий.

К 1956 г. окончательно сформировалась область научных интересов Владимира Демьяновича – периодическая деятельность пищеварительного аппарата. Первая работа «К вопросу о периодической секреции пищеварительных желез» опубликована в «Трудах Томского государственного университета» в 1956 г., что явилось началом глубоких исследований в этом направлении. На кафедре в его распоряжении была экспериментальная лаборатория, в которой круглосуточно наблюдались животные с фистулами слюнных желез, желудка, кишечника.

В 1960-е гг. полностью сложилась тема будущей докторской диссертации В.Д. Суходоло, оставалось только трудиться, накапливать факты, анализировать их. Он был полностью погружен в исследования, посвящая им не только рабочее, но и большую часть свободного времени. Методы, использованные В.Д. Суходоло в работе, были вполне современны. Выполнялись оперативные вмешательства на 107 собаках для установки животным фистул слюнных желез по Д.Л. Глинскому. Применялись фистулы желудка и кишечника; киномограф для записи моторных явлений органов пищеварительного канала баллонографическим методом; использовались биохимические, гистологические и гистохимические подходы в исследованиях.

Среди биологических ритмов, наблюдаемых в организме человека и высших животных, особый интерес представляет цикличность периодической деятельности органов пищеварения, открытая в лаборатории академика И.П. Павлова. Периодическая деятельность в состоянии натощак знаменуется мощными 20–30-минутными сокращениями мускулатуры желудка и кишечника, отделением высокоактивных пищеварительных секретов, сдвигами в биохимическом и цитологическом составе крови, изменениями двигательных реакций скелетных мышц, деятельности сердечно-сосудистой, дыхательной систем и нейродинамических процессов. Такие периоды возникают каждые 1,5–2,5 часа.

Было известно, что периодическая деятельность сопровождается активацией секреции панкреатического, дуоденального, кишеч-

ного соков и желчи. Наличие периодической секреции слюны в состоянии натошак научным сообществом отрицалось. Слюнные железы являются четким индикатором в изучении нейродинамики мозга, сама слюна кроме обработки пищевого комка поддерживает нормальное состояние рецепторных аппаратов полости рта, его микрофлоры, содержит огромный спектр биологически активных веществ, оказывающих влияние на органы пищеварения и другие системы организма. В этой связи обнаружение и изучение периодической секреции слюны представлялись актуальными.

После анализа 1583 кимограмм и 1897 биохимических анализов крови, слюны, желудочного и смеси дуоденальных соков В.Д. Суходоло сделал ряд важных заключений. Он установил, что периодическое отделение слюны у собак существует и является одним из компонентов периодической деятельности организма, оно более интенсивно выражено в подчелюстных, чем в околоушных железах, и совпадает с периодами сокращений желудка, кишечника и отделения секретов других пищеварительных желез. Уровень периодического слюноотделения неодинаков у разных собак, качественный состав периодической слюны подвержен колебаниям в зависимости от напряжения секреторного процесса. Периодическое отделение слюны в одноименных железах осуществляется асимметрично. Периодический ритм моторных компонентов и секреции соков пищеварительных желез обеспечивается центральной активацией железистых и нервно-мышечных аппаратов через вегетативные и гуморальные механизмы. Так, одностороннее пересечение вагосимпатического нервного ствола повышает периодическую саливацию на стороне оперативного вмешательства, тогда как двустороннее пересечение вегетативных нервов ведет к появлению непрерывной саливации и эмоционального возбуждения животных, нарастающих во время периодов работы желудочно-кишечного тракта. При этом в ядрах блуждающих нервов регистрируются реактивные и деструктивные изменения.

Углубляясь в изучение механизмов периодической деятельности органов пищеварения, Владимир Демьянович открыл периодическую деятельность слюнных желез, что завершилось защитой докторской диссертации в сентябре 1972 г. на тему «Периодическая

секреция слюны и механизмы ее регуляции». В июне 1976 г. Высшей аттестационной комиссией В.Д. Суходоло было присвоено ученое звание профессора.

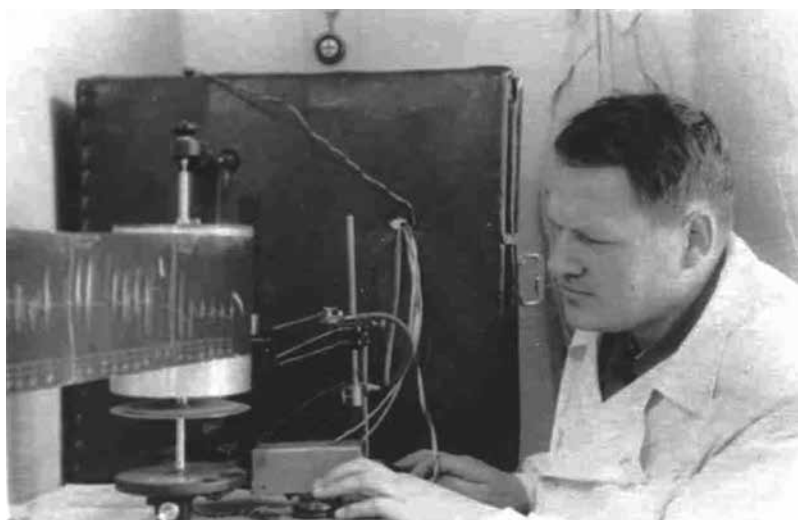
В.Д. Суходоло внес существенный вклад в получение знаний о механизмах регуляции периодической деятельности органов пищеварения. Он установил, что периодическое отделение слюны у собак является одним из компонентов активного периодического отделения секретов главных пищеварительных желез, ингредиенты которых избирательно всасываются в кишечнике и осуществляют регуляторные влияния на пищеварительный канал и организм в целом. Основные положения его научных исследований изложены в монографии «Периодическая деятельность главных пищеварительных желез».

Я застал тот период его жизни, когда Владимир Демьянович был уже состоявшимся ученым. В свою работу он был влюблен и отдавался ей полностью. Как классический физиолог, В.Д. Суходоло огромное значение в научных исследованиях отводил эксперименту. В его маленькой лаборатории по плотному графику проводились оперативные вмешательства. Собак ставили в деревянные станки, приучали к условиям эксперимента, под наркозом через фистулы получали пищеварительные соки или в них вводили резиновые баллончики, соединенные системой трубок с капсулами, для записи сокращений на кимографах. Ленты кимографа с записями моторики Владимир Демьянович хранил в шкафу, регулярно их раскладывал, рассматривал, измерял амплитуду сокращений, считал их частоту. По отношению к животным был гуманен, лишней боли не причинял, после операции они выхаживались и опять принимали участие в экспериментах.

Владимир Демьянович был блестящим оператором. В операционные дни он царил в операционной, облаченный в хирургический халат и маску, вооруженный хирургическим инструментом. Операции, даже очень сложные, выполнял мастерски. Я ему ассистировал. Иногда делал ошибки, но нужно ему отдать должное, Владимир Демьянович никогда не оценивал мои промахи негативно. Обычно с присущим ему юмором отмечал их и показывал, как нужно правильно выполнять манипуляции. Операции были разные, и простые, и весьма сложные, трудоемкие.

Владимир Демьянович был творческой личностью, решения о характере оперативного вмешательства принимал непосредственно перед операцией и сообщал об этом помощникам. Однако в предоперационный день он, сидя за своим столом, подолгу перебирал в руках набор разнообразных фистул, определяя решение. Часто нам помогали студенты-кружковцы, присутствие которых воодушевляло Владимира Демьяновича, и он не только принимал их помощь, но и подробно рассказывал о технике операции, смысле операционного воздействия и значении для науки будущих экспериментов. В общении с помощниками Владимир Демьянович был внимателен и тактичен, однако, всегда замечал недостатки и помогал их исправлять. После аналитической обработки результаты исследований описывались и публиковались в тезисах научных конференций и журнальных статьях.

Запись периодической моторной деятельности желудка собаки
на ленте кимографа, 1950 г.

К публикациям В.Д. Суходоло относился очень требовательно. Его любимым тезисом было высказывание «Написано пером – не вырубись топором». Владимир Демьянович крайне строго относился к публикации результатов своих исследований, сомнительные результаты не публиковал и оставлял их для последующей проверки. Мы с ним опубликовали несколько журнальных статей. Обычно я

их писал, а Владимир Демьянович правил. Для меня это было мучением, так как каждая статья переписывалась и исправлялась многократно, а почерк моего руководителя был ужасным, однако, в итоге получались тексты, отвечающие самым высоким требованиям.

Надо сказать, что увлеченность наукой привлекала к нему ученых других медицинских специальностей. Он сотрудничал с А.И. Корочкиным, Н.М. Тихоновой, Н.П. Завадovской, Е.Д. Гольдбергом, З.М. Земляковой, А.И. Рыжовым, многолетняя дружба связывала его с Ф.Ф. Саксом. На одном из научных форумов в середине 1960-х гг. он познакомился с Н.Н. Лебедевым, профессором-патофизиологом из Москвы, признанным знатоком и исследователем периодической деятельности организма. Эта дружба продлилась до последнего вздоха каждого из них.

Научная активность, глубокая порядочность и добросовестность В.Д. Суходоло способствовала его популярности в научном мире. Им опубликовано более 250 научных работ. Его публикации в центральных рецензируемых журналах привлекали внимание зарубежных специалистов, и он получал запросы на эти статьи практически из всех развитых стран мира. Таких запросов у Суходоло было более 150.

В сентябре 1999 г. В.Д. Суходоло был награжден медалью Польской академии медицины «За заслуги перед медициной». Это была 12-я из 11 имеющихся у В.Д. Суходоло наград, среди которых самыми дорогими для профессора были Ордена Отечественной войны I и II степени, медали «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945».

Владимир Демьянович был щедрым учителем. Под его руководством защищены 17 диссертаций. Он был требовательным и мудрым наставником. Среди учеников – профессора В.Н. Васильев и С.В. Низкодубова, 15 кандидатов медицинских и биологических наук. Причем все кандидатские диссертации выполнялись соискателями, аспирантура была роскошью, и места в аспирантуре выделялась только заведующим кафедрами.

С середины 1960-х гг. Владимир Демьянович курировал работу научного студенческого кружка на кафедре нормальной физиологии, которая была тесно связана с научной тематикой кафедры,

экспериментальными исследованиями на предварительно прооперированных животных. Именно под влиянием профессора Суходоло пришли в науку Н.А. Смоленская, В.Г. Старцев, А.А. Потапов, А.О. Дидоренко, В.Д. Поярков, Т.И. Фомина, А.И. Венгеровский, Н.П. Гарганеева, И.В. Суходоло, С.П. Шумилов. Интерес к студенческому кружку Владимир Демьянович проявлял и после того, как отошел от непосредственного руководства им.

Особое место в его работе и жизни занимал педагогический процесс. У преподавателя В.Д. Суходоло был педагогический талант, благодаря которому он читал увлекательные лекции и вел практические занятия. Каждую лекцию он готовил заново, каждая была для него событием.

Компетентный, эрудированный, культурный, вежливый и внимательный Владимир Демьянович получил заслуженное признание среди коллег и студентов. В течение многих лет он читал лекции по нормальной физиологии для студентов педиатрического факультета. Спецификой этой врачебной специальности является обязательное знание возрастной периодики и особенностей физиологии детского возраста. Владимир Демьянович лучше всех на кафедре владел этим материалом.

Научный студенческий кружок, 1968 г.

Лекции он читал интересно, с обязательной демонстрацией физиологических экспериментов на животных. В аудитории не было студентов, которые бы не слушали лектора. Они обожали Владимира Демьяновича, и те группы, в которых он вел практические занятия, справедливо считали, что им крупно повезло. Эмоциональная насыщенность лекций, их ориентация на будущую врачебную специальность, юмор и высокая эрудиция лектора превращали их в настоящую демонстрацию лекторского искусства.

Студенты его любили, проявляли заслуженные педагогом знаки внимания: вставали при его каждом, а не только первом появлении в аудитории, расступались, пропуская профессора в коридоре, пытались помочь при передвижении. Но эту помощь В.Д. Суходоло, как правило, с юмором отвергал.

Вспоминается эпизод, связанный с его машиной. В 1970-х гг. Владимиру Демьяновичу государство выделило автомобиль марки «Запорожец», который значительно облегчал профессору возможность передвижения, особенно в зимнее время. Наряду с неоспоримым удобством, автомобиль приносил и ряд проблем. Иногда он ломался, не заводился. Когда застревал в снегу, студенты конкурировали друг с другом в желании помочь Владимиру Демьяновичу выбраться из снежного плена. Все это происходило весело, студенты были довольны возможностью оказать любимому профессору услугу, а Владимир Демьянович отвечал им словами благодарности. Многочисленные его ученики из числа студенческих групп с большим уважением и любовью вспоминают Владимира Демьяновича как педагога и человека.

Несмотря на доброжелательность, он был достаточно требовательным преподавателем, ошибки не пропускал и помогал ликвидировать пробелы в знаниях студентов. Экзамены принимал доброжелательно, при сложностях в выставлении оценок выбор делал в пользу студента. Мне запомнился один случай, когда студентка испытывала затруднение при ответе на вопрос о регуляции вегетативных функций организма.

Вероятно, она недоучила, но отвечала уверенно, утверждая, что регуляция гладкомышечной мускулатуры может происходить произвольно. Владимир Демьянович уличил ее в недостаточной под-

готовке и попросил привести пример гладкомышечных структур. Студентка назвала почему-то матку. Владимир Демьянович с хитрецей предложил ей произвольно вызвать сокращения этого органа. Студентка напряглась и заявила, что у нее получается. Владимир Демьянович рассмеялся, рассказал об особенностях регуляции матки и... поставил «хорошо». Все остались довольны, а студентка, скорее всего, на всю жизнь запомнила и особенности регуляции вегетативных функций, и доброго профессора.

Профессор В.Д. Суходоло являлся бессменным председателем Томского отделения Всесоюзного (Всероссийского) физиологического общества имени И.П. Павлова, а с 1994 г. — его почетным членом. По его инициативе в Томске было проведено восемь всесоюзных и всероссийских симпозиумов по физиологии. Профессор Суходоло неоднократно выступал с научными сообщениями по проблемам регуляции периодической деятельности желудочно-кишечного тракта на конференциях, съездах и симпозиумах всесоюзного, всероссийского и международного масштаба.

Томское отделение Всесоюзного физиологического общества
имени И.П. Павлова, 1988 г.

В центре, нижний ряд: профессора В.Д. Суходоло, Ф.Ф. Сакс, Ф.Ф. Тетенев

Владимир Демьянович был добрым, скромным и деликатным человеком. Его благожелательность и гуманность привлекали к нему студентов, коллег по научной работе. Он никогда не позволял себе

унижаться, просить, не переносил лести и заискиваний по отношению к себе со стороны других людей. Его умение слушать, вести беседу и дискутировать располагали коллег. Он обладал большой эрудицией, знал польский язык, высказывания на латыни использовал к месту и не укорял собеседника, не понимавшего их. Эти его качества привлекали лиц противоположного пола, для которых независимо от возраста у Владимира Демьяновича всегда были припасены конфетки в ящике его рабочего стола. Не обходил вниманием и мужчин, для хороших людей находилось достаточно крепкое угощение, которое искренне предлагалось из расположения к собеседнику.

У В.Д. Суходоло был широкий круг общения, а настоящих друзей было мало. К ним он относился очень бережно. Одним из них был профессор Фёдор Фёдорович Сакс. Он частенько заходил к Владимиру Демьяновичу. Точно не могу сказать, но, вероятно, их объединяло прошлое, общая любовь к живописи, научные проблемы. Обычно я оставлял их в кабинете наедине и не мешал беседовать. В конце жизни Ф.Ф. Сакс болел болезнью Паркинсона, что проявлялось в существенных нарушениях моторики и мимики, мешало разговаривать. Владимиру Демьяновичу эти особенности товарища

Коллектив кафедры нормальной физиологии Томского медицинского института, 1994 г.

нисколько не мешали, он терпеливо его выслушивал и вел неторопливую беседу.

Нельзя сказать и того, что Владимир Демьянович был настолько скромн, что недооценивал себя и свой вклад в науку. Он был настоящим профессором: фундаментальным даже по внешнему виду, достойным в поведении, уважающим себя и других людей.

Судьба не баловала его: война, инвалидность, раннее вдовство. Но для сотрудников кафедры нормальной физиологии Томского медицинского института профессор В.Д. Суходоло был истинным Учителем: высокоинтеллектуальным человеком, обладающим удивительным умением общаться с людьми. Он всех заряжал своим оптимизмом, служил примером глубокой порядочности и добросовестности.

Владимир Демьянович был реалистом. В период своей болезни, как врач, он хорошо осознавал будущий исход, был готов к нему, но никогда не проявлял слабости и не просил сочувствия. И всегда он очень любил жизнь.

Умер профессор Владимир Демьянович Суходоло 9 марта 2000 г. Даже памятник, который был изготовлен по рисункам В.Д. Суходоло и стоит на его могиле, отвечает монументальности личности прекрасного, скромного, достойного человека, ученого и Учителя – профессора Владимира Демьяновича Суходоло. Добрую память о Владимире Демьяновиче хранят поколения студентов, благодарных учеников и коллег.

ЭТО БЫЛ ПРЕКРАСНЫЙ МАЛЬЧИК

Протоиерей отец Владимир
(Гарустович, 1886–1985),
дядя В.Д. Суходоло

В 1919 г. я жил у моей родной сестры Мелании и шурина Суходоло Демьяна Ивановича. Шурин служил старшим рабочим железной дороги. Семья проживала в небольшом поселке Юдянка возле Гайновки в окрестностях Белостока. У сестры было трое детей: две дочери 6 и 8 лет, 4-летний сын. Ожидался на свет еще один ребенок. И вот 28 июня 1919 г. родился мальчик, здоровый и хорошенький. Пришла жена соседа-лесника, ее избрали быть кумой, а я стал крестным отцом. Мальчику дали имя крестного – Владимир. Он рос не по дням, а по часам, и все были ему рады.

Володя посещал местную школу и окончил там первоначальную науку. Предстояло решить вопрос о его дальнейшем обучении. В 1930-е гг. я был на приходе в местечке Хорощи в 10 км от Белостока. Однажды, будучи в Белостоке, я встретил Володю. Это был прекрасный мальчик, костюм на нем был защитного цвета, штанишки – по колено. Он приехал с отцом узнать относительно продолжения учения. Удалось определить Володю в гимназию Белостока. Я согласился поселить его у себя и взять расходы за обучение. К учению он был прилежен, а вот в церковь ходить не любил. Любил рисовать, рисовал для меня и моей супруги, матушки Александры, много картин.

Володя окончил гимназию, а также коммерческий лицей перед войной, летом 1939 г., и уехал домой к родителям. Пришли к нам немцы, а потом они отступили до Ломжи, пришли Советы. Вдруг неожиданно приезжает к нам Володя. Я сидел в огороде на небольшой скамеечке и выдергивал морковку. Поднимаю глаза и вижу: стоит, наклонившись надо мной, Володя. Он обнял меня, мы нашли мою супругу, матушку Александру.

Мать Мелания Ивановна
Суходоло (дев. Гарустович,
1883–1947)

Отец Демьян Иванович
Суходоло (1882–1949)

София Демьяновна Ковшило
(дев. Суходоло, 1907–1978),
сестра В.Д. Суходоло

Демьян Иванович, Володя,
бабушка Володи, Гайновка,
1929 г.

Отец Владимир, матушка Александра и гимназист Володя,
пригород Белостока, 1936 г.

Выпускник гимназии Владимир Суходоло,
Белосток, 1938 г.

Володя со слезами целовал ее лицо, руки, она, тоже плача, отвечала ему тем же. Но времени поговорить не было, и Володя уехал.

Как потом я выяснил, отец Володи познакомился с командиром советских войск, прибывших в Гайновку. Командир узнал, что Володя имеет хорошее образование, и посоветовал ему немедленно поступить в комсомол. Потом мы узнали, что Володя вступил в ряды ВЛКСМ и уехал в Россию. В Ленинграде он окончил военное артиллерийское училище, и тут разразилась война с немцами. Вестей от Володи не было. Однажды матушка сказала мне: «Знаешь, с Володей что-то неладное произошло. Снилось мне сегодня, что он не вошел, а... вполз к нам на кухню с букетом красных маков...» Вскоре мы получили от родных известие, что Володя тяжело ранен, ему оторвало ногу.

Перед отъездом в Россию Володя поставил деревянный крест при дороге на опушке леса. Что заставило его поставить этот крест? Не подсказала ли ему его душа, что он оставит родину навсегда и больше не увидит ее?

ДО СИХ ПОР СВЕРЯЮ СВОИ ПОСТУПКИ С ЕГО МНЕНИЕМ

**Ирина Владимировна Суходоло,
д-р мед. наук, профессор, заведующий
кафедрой морфологии
и общей патологии СибГМУ, дочь**

В феврале 2000 г., когда папа уже был тяжело болен, он часто говорил мне: «Как быстро пролетела жизнь, мне кажется, только вчера я мальчиком бродил по Беловежской пуще, потом – война, смерть любимой жены и вот – всё... А я ведь еще столько хотел сделать!» Мы были очень близки с отцом в детстве, юности, да и до конца его жизни у меня не было от него тайн, все свои помыслы я всегда сверяла с его мнением.

Как ни странно, образ папы из детства ассоциируется у меня с запахом пинена – растворителя для масляных красок, которыми он часто писал картины на холстах, чтобы потом подарить их своим друзьям. Помню ощущение радости и покоя, когда я ребенком сидела у него на руках, а позже – просто от одного его присутствия. До 1961 г. мы занимали одну комнату в коммунальной квартире в доме по улице М. Горького, 25. Дом был трехэтажным, даже в цокольных

Отец и дочь, 1953 г.

клетушках люди жили целыми семьями, а мы, живущие на втором и третьем этажах, считались прямо высшей кастой. Хотя условия у всех были примерно одинаковые: печное отопление, вода – только холодная, кухня – общая, туалет – на улице.

Родилась я в июне 1951 г., в роддоме № 1, где моя мама работала акушером-гинекологом. Папа хотел сына, но появилась я. Первые 10 лет жизни, когда еще была жива мама, освещены, прежде всего, ее любовью и заботой. В детский сад я не ходила, выросла с нянями, которые сменялись довольно часто. Бабушек не было, потому что одна (папина мама) к тому времени уже умерла в Польше, а с семьей мамы (г. Черногорск) папа отношений не поддерживал, так как они были недовольны выбором дочери.

Папа уделял мне время только по воскресеньям, когда мама была на дежурстве в роддоме. Это случалось не так часто, зато хорошо запомнилось. Чаще всего мы рисовали, папа читал мне и рассказывал удивительные истории из своего детства. А перед сном папа рассказывал мне сказки. Самыми любимыми (а они повторялись) были про ежика с котомкой, который заблудился в лесу (почти «Ежик в тумане»), и про лебедушку, которую подстрелил охотник, но храбрый лебедь нашел ее, умирающую в камышах, и спас. Без этих двух сказок я не засыпала. На работу папа меня не водил, хотя в кафедральном виварии с собаками я с ним побывала не раз.

В 1960 г. папе выделили путевку на курорт Озеро Карачи. Он тогда сотрудничал с НИИ курортологии и решил исследовать влияние минеральной воды озера Карачи (Новосибирская область) на пищеварительные процессы и, в частности, на периодическую моторную работу желудка собак. Трем довольно крупным псам операционным путем были поставлены металлические фистулы желудка, наружные отверстия заткнули пробками, погрузили их в соседнее купе и все вместе – мама, папа, я и собаки – отправились «на воды». Сейчас ничего подобного и представить себе невозможно, а тогда – пожалуйста.

Приехав на курорт, мы с мамой сняли комнату в маленьком деревянном домике, папа на полных правах жил в санатории, а в перерывах между процедурами и едой отпрашиваясь к собакам записывать на кимографе баллонографическим методом моторную деятельность желудка под влиянием минеральной карачинской воды.

Молодая пара в Университетской
роще, 1946 г.

Аспирант В.Д. Суходоло,
Университетская роща, 1949 г.

Семья Суходоло на улице М. Горького, 25,
1950-е гг.

Курорт Озеро Карачи, последнее
семейное фото, июль 1960 г.

Это лето я особенно запомнила потому, что оно было последним нашим общим: через год мамы не станет.

Комната, в которой мы жили на улице М. Горького, 25, квартира 12, была площадью примерно квадратов 20. Тогда она мне казалась очень большой. В другой комнате, меньшей по размерам, жила учительница биологии школы № 9 Нина Константиновна Ечеистова с дочерью Светланой. Коридор, соединяющий комнаты, и кухня были общими.

В нашей комнате был угол, где стоял папин письменный стол, на котором, по моему мнению, всегда был беспорядок. Прикасаться к тому, что лежало на столе, было запрещено. Однако же я улучила момент, когда взрослых рядом не было, и разложила все по своему усмотрению. Мама буквально онемела, увидев плоды моей деятельности. От нее мне попало. Папа же, вернувшись с работы, спокойно сказал, чтобы этого больше не повторялась, потому что у его вещей — особый порядок. Урок был усвоен.

Когда к нам приходили гости, все усаживались за огромный, разбирающийся на 12 персон дубовый стол с великолепными массивными резными ножками (позже он перекочевал в разобранном виде в гараж, вместе с которым сгорел в 1980 г.). Откуда брались стулья — не помню, наверное, у соседей одалживали. Мама прекрасно готовила, а папа очень любил угощать гостей напитками: редкий гость мог подняться из-за стола самостоятельно.

Папа же не пьянел никогда! Он очень красиво пользовался столовыми приборами и очень любил ухаживать за дамами. Дети за стол допускались, но вести себя мы должны были тихо, что никогда не получалось, поэтому очень скоро мы перемещались в общий коридор, где можно было вволю «беситься».

Ни разу я не слышала, чтобы родители ссорились. По крайней мере, при мне они обращались друг к другу только ласково. Один случай, впрочем, припоминаю. Культурная жизнь Томска в то время была не очень богата на события, поэтому концерт Александра Вертинского, на который собрались родители, был событием. У мамы было два красивых костюма (знакомых портних у акушера-гинеколога было достаточно), но один из них почему-то не нравился папе, а именно его она хотела надеть. И папа повысил голос, почти крикнул: «Я же сказал!» Мы обе поняли, что лучше не возражать.

В феврале 1961 г. у мамы обнаружили рак молочной железы. Тогда лечение включало операцию и облучение яичников. Все было сделано, мама вышла на работу, хорошо себя чувствовала, и в июне мы с ней даже поехали в Москву, чтобы посетить мавзолей Ленина и Сталина, известные музеи и походить по магазинам. Остановились у папиного друга, с которым они после фронтовых ранений лежали в одной палате госпиталя в Томске.

Было начало июня, стояла прекрасная погода, и в начале все было хорошо. Но буквально через неделю мама почувствовала боли в правом подреберье, мы созвонились с папой и решили возвращаться. Билеты удалось взять только на поезд. Папа встречал нас на вокзале Томск-1 с букетом цветов, но я почувствовала тревогу в его взгляде и поведении. Через пару дней маму положили в клинику пропедтерпии мединститута с подозрением на холецистит.

В это же время пришло известие о том, что нам выделили 2-комнатную благоустроенную квартиру в первом доме, построенном для сотрудников вузов города, по адресу: улица Тверская, 105. Медицинскому институту достался подъезд № 3, и нашими соседями стали семьи Сальник, Григорьева, Усова, Михайлова, Земляковой, Сырневых–Бурковских, Безматерных, Тихоновой, Елькиной, Мариной, Целищева, Лохатюка.

Пришлось готовиться к переезду. Папа решил, что лучше всего на это время отправить меня в пионерский лагерь. В это время из Западной Украины (г. Киверцы) приехала поступать в вуз папина двоюродная сестра, Тамара Ивановна Гарустович. Надо сказать, что после войны граница СССР прошла западнее того местечка, где жили Гарустовичи, поэтому часть папиных родственников оказались гражданами Польши, а часть – Союза. Гарустовичи стали гражданами СССР, а прочие родственники (родители, дядя, сестра София и ее семья) – Польши. Тамара помогала с переездом, а 19 июня, когда умерла мама, на нее была возложена миссия – среди сезона забрать меня из пионерского лагеря. Мы вернулись в новую квартиру на Тверской, папа сидел на нашем старом диване, стоящем в центре комнаты, и плакал. Я все поняла. Потом были похороны, на которые меня не взяли, чтобы я помнила маму живой. Наверное, правильно.

А дальше началась новая, другая жизнь. Впрочем, мне тогда казалось, что я вполне взрослая, все понимаю и буду папе поддержкой и опорой. Только через много лет я поняла, какое тяжкое испытание выпало на долю нас обоих, особенно отца, как мужественно он преодолевал трудности, каким виртуозным был воспитателем и светлым человеком, никогда не поддаваясь унынию.

Конечно, утрата была страшной: первое время мы с отцом ежедневно ездили на трамвае на Южное кладбище, где похоронили маму. Наши поездки продолжались вплоть до начала учебного года, когда папе надо было собираться на работу, а мне – в 4-й класс. До сих пор мы были полностью избавлены от мелочей быта: все у нас всегда стараниями мамы было супер настолько, насколько это было возможно в те годы. Мы оба были избалованы и, оказалось, что заплетать косички никто из нас не умеет, так же как, например, варить кашу, не говоря уже о прочих бытовых нюансах.

«Нет непреодолимых трудностей» – так учил меня папа, и это – истина. Мы всё постепенно преодолели, более того, папа, который до этого ни разу не был в школе № 6, где я училась, стал посещать собрания, вошел в состав родительского комитета и очень скоро стал грозой школьных разгильдяев. Я же старалась его не огорчать, хотя это получалось не всегда. Очень скоро папа освоил кулинарные

тонкости, научился готовить потрясающий суп под названием «Проглоти-язык», горячее блюдо «Клюсечки з мисечки» и даже мороженое.

Очень помогала нам Тамара, которая поступила на биолого-почвенный факультет педагогического института и поселилась у нас. Наши с ней отношения стали сестринскими и продолжают-ся по сей день.

Отец всегда оказывал на меня колоссальное влияние. Он помогал мне с математикой, особенно геометрией, выслушивал русские и немецкие стихи, которых мы немало выучили наизусть за 10 лет пребывания в школе. Мы очень много говорили о жизни, он рассказывал мне о своей молодости и делился мечтами о том, какой бы хотел видеть меня в будущем.

Надо сказать, воспитывал меня папа в строгости, как мне теперь кажется, избыточной. Скромность, скромность и еще раз скромность, а также никаких длительных прогулок, «нечего вертеться перед зеркалом, займись лучше геометрией...» и т.д.

Между тем папино здоровье пошатнулось, сказывались пережитая утрата, инвалидность и связанные с ней частые фантомные боли. Нередко повышалось давление, и (о, ужас) осколок снаряда, который с сентября 1941 г. находился в здоровой ноге, стал угрожать целостности магистральной артерии бедра. Предстояла операция, которая, как известно, всегда – риск. Папа очень переживал, накануне госпитализации написал два письма: своей родной сестре Софии Демьяновне, живущей в Польше, и ректору мединститута академику И.В. Торопцеву. Оба должны были быть отправлены в случае, если... Сестру папа просил поддержать меня морально и материально, а Иннокентия Васильевича – прокурировать поступление в Томский мединститут.

К счастью, письма остались неотправленными, блестящие хирурги А.С. Лохатюк и П.А. Титов успешно прооперировали папу. В мединститут я поступила самостоятельно, а тетя Соня продолжала присылать мне из Польши посылки с одеждой, той, ненашенской, почему-то пахнувшей яблоками.

Пока я училась в школе, да и потом, уже став студенткой, я имела возможность наблюдать, как папа готовит к публикации научные статьи и готовится к лекциям. Это происходило в большой

проходной комнате (мой стол стоял в маленькой), желательно в тишине. Году в 1965-м у нас появилась печатная машинка «Эрика» (из тех, о которых писал А. Галич: «Эрика... берет четыре копии...»), и по вечерам квартира наполнялась шелканьем ее клавиш. Папа работал над докторской диссертацией. Всегда удивлялась его умению с головой погружаться в свои мысли, отрешаясь от окружающего. Ведь так случилось, что у него никогда не было отдельного кабинета — ни дома, ни на работе.

Когда я поступила в вуз на лечебный факультет, то сразу же стала посещать кружок при кафедре нормальной физиологии. Все происходило очень серьезно: операции на животных, постановка хронических экспериментов, сбор данных, их обработка, подготовка доклада на итоговую студенческую конференцию. Папа никогда на меня не давил, но фраза «Прогулять можно все» — постоянно витала в воздухе. К этому времени я сдала курсовой экзамен по гистологии, стала заниматься в студенческом кружке и поняла, что это мое: завораживающие цвета микропрепаратов, россыпи темных клеточных ядер, переплетения волокон. Завершая обучение в вузе, я знала, чем хочу заниматься в жизни.

В сентябре 1972 г. папа защитил докторскую диссертацию «Периодическая секреция слюны и механизмы ее регуляции» на заседании Ученого совета Томского медицинского института. Тогда совет состоял исключительно из работающих в вузе профессоров, ведущих ученых разных специальностей. Защита прошла блестяще, хотя накануне папа очень нервничал. В прениях выступил заведующий кафедрой судебной медицины профессор В.П. Десятов, фронтовик, который, отметив несомненные достоинства защищаемой работы, напомнил присутствующим о недолгом, но тяжком пути Суходоло-солдата.

Я не могла сдержать слез: путь солдата не прекращался, ведь я-то знала, как тяжел огромный протез, который ежедневно широким ремнем затягивался вокруг папиной талии. А та выемка, куда должна была погружаться короткая, сантиметров 15–17 длиной, культя бедра с нежной кожей и атрофированными мышцами, была жесткой, холодной, часто до крови натирающей бедный обрубок. Между кожей культи и протезом папа укладывал тряпочки — прямоугольные

куски льняной ткани, которых в обиходе было не меньше 20. После каждого использования мы их кипятили, стирали и гладили.

Надо сказать, что папа, овдовев в 42 года, стал завидным женихом. Я это ощутила почти сразу. И в свои 10 лет заявила, что, если хоть одна женщина появится в нашем доме, то я уйду жить к Раисе Дмитриевне Михайлеченко, нашей соседке по улице Горького, ассистенту кафедры нормальной анатомии и маме моего друга детства Аркаши. Видимо, мои слова настолько врезались в папино сознание, что он так и не устроил свою личную жизнь.

Году в 1973–1975-м сдавался в эксплуатацию дом по улице Нахимова, 15 (известный как Пентагон), в нем папе предложили 4-комнатную квартиру. В то время я была уже замужем, и мы решили поселиться вместе. Но даже при тогдашней бытовой неизбалованности удобствами и просторами жилья микроскопические площади комнат в новой квартире нас поразили. Дельный совет дала папе соседка по подъезду дома на Тверской, профессор Беатриса Юзэфовна Сальник: попросить, чтобы ее, освободившуюся на четвертом этаже 2-комнатную квартиру, дали папе в дополнение к имеющейся. Папе это удалось, и мы с мужем поселились на Тверской, 105, на этаж выше папы.

Профессор В.Д. Суходолов

После защиты докторской диссертации папа не утратил интереса к периодической деятельности организма вообще и пищеварительных желез, в частности. Его ученики, будущие доктора и кандидаты наук, разделявшие это увлечение, часто приходили к нему за советом. Особенно трогательными были визиты студенческих групп: было заметно, насколько искренне они относятся к отцу.

Особое место в папиной жизни занимали конференции, которые он организовывал вместе с другими сотрудниками кафедры нормальной физиологии. Тогда не было ни компьютеров, ни Интернета, и приглашения он часто печатал на «Эрике», сам подписывал конверты и рассылал по всей стране. Когда очередная конференция

начиналась, папа чувствовал себя триумфатором: приезжали друзья-единомышленники, было приятное общение, одобрение работы, обмен опытом, дружеские пирушки.

Глубокая, теплая, искренняя и долгая дружба связывала их с профессором Николаем Николаевичем Лебедевым. Началась она с того, что Николай Николаевич дал весьма колючую рецензию на одну из папиных статей в рецензируемом журнале. Имя рецензента не сообщалось, но папа вычислил Николая Николаевича и написал ему письмо. Позже на одной из конференций они познакомились лично и очень подружились, их связывала крепкая дружба и многолетняя переписка. Оба были примерно одного возраста, оба знали, что такое война: Николай Николаевич, коренной москвич, воевал ополченцем, чуть не погиб в 1941 г. при обороне Москвы, тоже стал инвалидом и тоже не сдался обстоятельствам.

Я была знакома с семьей Николая Николаевича, супругой Лидией Васильевной, профессором-фтизиатром, которая, слава Богу, жива и с которой мы по сей день переписываемся, а также обеими их дочерьми, Ириной и Анной. В эру Интернета эпистолярный жанр обречен, но письма Лидии Васильевны, написанные четким каллиграфическим почерком, радуют меня по сей день и возвращают в то время, когда все были живы.

В июне 1990 г. в нашей с В.М. Шипулиным, моим мужем, семье родился сын Владимир. Известие о появлении долгожданного внука застало папу на заседании ученого совета по защитах диссертаций. Защита моей докторской работы тоже планировалась на этой же сессии, но мы, посоветовавшись с научным консультантом, профессором Евгением Даниловичем Гольдбергом, решили перенести ее на осень. Папа буквально на следующий день прорвался в роддом № 1, чтобы обнять меня. Конечно, каждый, кто помнит тогдашние, буквально тюремные, порядки в родильных домах, может подумать, что я лукавлю. И ошибется: Валентина Нефёдовна Попова, бывшая студентка и кружковец папы, а тогда – заведующий акушерской клиникой, из-за ремонта временно квартировавшей в роддоме № 1, устроила нам эту встречу.

С близкими родственниками, проживающими в Польше, дей – протоиереем православной церкви в Гайновке Владимиром

Гарустовичем и своей старшей сестрой Софией Ковшило, а также ее семьей папа восстановил переписку сразу после войны. Хотя от меня он это довольно долго скрывал, полагая, что каким-то образом наличие родственников за рубежом может мне навредить. Видимо, жизненный опыт поколения, пережившего несправедливые массовые репрессии, учил такой избыточной осторожности. Много позже, в 1999 г., папа решил, что пора нас познакомить, и мы поехали в Польшу втроем: папа, мой 9-летний сын Володя и я. Этот визит я не забуду никогда. На вокзале нас встречали родственники: две дочери к тому времени уже, к сожалению, умершей тети Сони, их сыновья с женами и детьми, все с цветами... Были слезы, поцелуи, объятия. Потом мы поехали в Гайновку, в большой и уютный дом одной из папиных племянниц, и были воспоминания, старые фотографии и обязательное посещение могил предков. Никогда и нигде я не чувствовала себя так спокойно и комфортно, как в дни нашего путешествия. Увы, этот визит оказался для папы прощальным. Осенью 1999 г. он заболел, а 9 марта 2000 г. умер.

Мы с супругом продолжаем общаться с польскими родственниками, вместе отдыхали на Мазурских озерах, они приезжали в Томск, мы регулярно звоним друг другу. Правда, боюсь, что следующее за нами поколение уже не сможет поддерживать тесное общение, так как мы не говорим по-польски, а их молодые потомки – по-русски.

В.Д. Суходоло и В.А. Ханевич, председатель Томского центра «Белый Орел»

Папа прекрасно владел литературным польским языком, наизусть декламировал стихи Адама Мицкевича и других польских поэтов, постоянно выписывал польские газеты и журналы. Принимал активное участие в работе Центра польской культуры Dom Polski (руководитель Нина Борисовна Моисеенко), а с 1995 г. и в работе Томского польского национального центра «Белый Орел» (руководитель Василий Антонович Ханевич).

Свободно владея и польским, и русским языком папа был незамеченным как переводчик во время визитов польских делегаций и различных польско-советских, а позже польско-российских встреч. В сентябре 1999 г. в Томск с визитом приехал профессор К. Имелинский, возглавлявший Польскую академию медицины. Будучи людьми примерно одного возраста, они долго беседовали. Пан Имелинский счел возможным ходатайствовать перед академией о присуждении папе медали «За заслуги перед медициной». Она стала последней в папиной жизни.

Чем старше становился папа, тем меньше друзей у него оставалось. Наверное, это естественно. До конца дней он поддерживал отношения с бывшим учителем одной из томских школ, фронтовиком Вениамином Ивановичем Кузнецовым. В 1942 г. В.И. Кузнецов, как и папа, вернувшись с фронта инвалидом, поступил в Томский медицинский институт. Но за год обучения понял, что его призвание в другом, и перевелся в педагогический институт. Старшая дочь Кузнецовых Людмила и я были подругами, как и наши матери. До сих пор мы поддерживаем с Людмилой дружеские контакты, несмотря на расстояние (в 1990-е семья Люды переехала в Израиль).

Теплые душевные отношения у папы сложились с первых дней знакомства с родителями моего мужа, Надеждой Иннокентьевной и Митрофаном Дмитриевичем Шипулиными. Мы традиционно все вместе встречали Новый год, нередко к нам присоединялись друзья семьи Шипулиных – Любовь Михайловна Головизина и семья Курта Иосифовича Зоммера. Еще один праздник, который всегда широко отмечался нашими семьями, – 9 Мая. После возложения цветов и участия в параде наши фронтовики усаживались за

С профессором К. Имелинским, 1999 г.

В день 80-летия, 1999 г. Слева направо: профессора В.В. Новицкий,
В.Д. Суходоло, академик М.А. Медведев

Фронтовики В.Д. Суходоло и М.Д. Шипулин после парада 9 Мая, 1997 г.

С родственниками, вокзал Белостока, 1999 г.

Худ. В.Д. Суходоло. Отчий дом, акварель, 1936 г.

Худ. В.Д. Суходоло. Довоенный Белосток, акварель, 1936 г.

Худ. В.Д. Суходоло. Дом в цветущем саду, масло, 1939 г.

Худ. В.Д. Суходоло. Удачная охота. Подарена Е.Ф. Ларину

Митрофан Дмитриевич Шипулин прошел всю войну, перенес два ранения, участвовал во встрече на Эльбе, до 1948 г. служил в Харбине. Надежда Иннокентьевна с 1943 по 1945 г. работала врачом в военном госпитале Егорьевска.

Очень дружил папа с профессором Фёдором Фёдоровичем Саксом. Оба прекрасно рисовали, и темы для дружеских бесед у них находились всегда. Кроме того, семья Саксов – Бутовских приютила моих родителей, когда они лишились жилья после пожара в мае 1951 г.

Даже будучи тяжело больным, папа не терял оптимизма, строил планы на будущее, радовался, что наконец-то похудел и ни на минуту не допускал мысли о том, что он перестанет читать лекции и проводить практические занятия со студентами педиатрического факультета. Хотя однажды завел со мной разговор о том, что хотел бы быть похороненным в Тимирязево. Меня это поставило в тупик, но, когда печальное событие произошло, мне на помощь пришел главный врач Тимирязевской больницы, мой однокурсник Юрий Иванович Сухих. Папино желание было исполнено.

Умер папа в ночь с 8 на 9 марта 2000 г. в реанимационной палате госпитальных клиник у меня на руках. Похоронили его как солдата, отдав положенные по уставу воинские почести.

Я была уже вполне взрослой, потеряв отца, но мир вдруг стал для меня черно-белым, и глубокая тоска долго не отпускала. Мысли о том, что жизнь отца была долгой (он умер на 81-м году), наполненной творчеством, прекрасными отношениями с близкими, любовью учеников, воспитанием удивительно похожего на него внука Володи, мало утешали. Мое философское отношение к смерти распространялось на кого угодно, только не на отца. До сих пор все свои поступки я сверяю с его, теперь уже воображаемым, мнением.

ИСТИННЫЕ ЦЕННОСТИ НЕПРЕЛОЖНЫ

Владимир Митрофанович Шипулин,
д-р мед. наук, профессор,
заслуженный деятель науки России,
Научно-исследовательский институт
кардиологии (г. Томск), зять

Для меня личное знакомство с Владимиром Демьяновичем Суходоло началось поздним вечером 26 февраля 1972 г. Дело в том, что в этот день я был приглашен на студенческую свадьбу к моему приятелю по курсу в старый профессорский дом. Свадьба как свадьба, почти все были друг с другом знакомы, но вдруг «среди шумного бала» я увидел девушку с удивительным цветом глаз, в элегантном, слегка поблескивающем платье. Правда, сопровождал ее весьма неприятный тип, мой однокурсник. Я встрепенулся и приготовился к битве.

Начались танцы, я рванул к незнакомке с ураганом вопросов и предложений. Мы познакомились: «Зовут Ира, фамилия Суходоло». Разговорились о творчестве И.А. Бунина, которым, как оказалось, оба были увлечены. «Кстати, — сказала Ира, — а повесть Бунина «Суходол» Вам нравится?» Мое замешательство скрыть было невозможно: да, слышал, перелистывал даже, но... не читал. И я тут же понял, что не только прочту эту повесть, но и многое другое, связанное с Суходоло, станет для меня важным. Все вокруг для меня перестали существовать, как у В. Высоцкого: «В тот вечер я не пил, не пел, я на нее всю глядел...»

Естественно, я отправился провожать новую знакомую. Постоянным трепом старался обратить на себя внимание и понравиться. Дойдя до скромного «хрущевского» пятиэтажного здания по улице Тверской, 105, до обычного подъезда без вестибюля и чугунных перил, в антураже которых, по моим впечатлениям, должна была жить такая девушка, я с грустью подумал, что поздней холодной ночью теперь придется тащиться на другой конец города. И тут волшебное предложение — зайти попить чаю. Подымаясь на третий этаж, я не мог прийти в себя от робости. Я прекрасно знал доцента

В.Д. Суходоло, читавшего нам на 2-м курсе лекции по нормальной физиологии, высокого, красивого, статного человека с тросточкой. Ира звонит в дверь, и на пороге появляется Владимир Демьянович, по-домашнему одетый, спокойный, мягко улыбающийся с предложением войти, согреться, выпить чаю и рассказать, как прошла свадьба. Осмотревшись, я почувствовал теплоту и непринужденность в общении, что впоследствии стало обычным в наших отношениях.

Работа над диссертацией

Позже я узнал историю этой маленькой семьи, драматические события, сопровождающие их жизнь, человеческие устремления Владимира Демьяновича и как одинокого отца дочери, и как крупного ученого-физиолога. В течение многих месяцев, пока мы не решили быть вместе, шло взаимное узнавание: кто что читает, о чем думает, планы, мировоззрение и т.д.

Мне было удивительно узнать, что Владимир Демьянович, родившийся в Польше, свободно говорит и по-польски, и по-русски, знает классическую русскую литературу, хотя в первом ряду личной библиотеки стоит Г. Сенкевич. В это время как раз шел фильм «Камо грядеши» со З. Цибульским. Я понял, что русское издание

Сенкевича стояло на виду больше для красоты. Владимир Демьянович знал содержание романа с гимназических пор учебы в Белостоке (Польша).

Мои острые высказывания по поводу политики воспринимались им всегда спокойно не из-за страха перед Всевышним, а из глубокого понимания, что все временно и все проходит. А истинные ценности непреложны. Маленькая картинка его кисти «Дом в цветущем саду», написанная в 1939 г., чудом уцелевшая и присланная родственниками после войны, останется с нами навсегда.

Проживая в той части Польши, которая в 1939 г. стала частью Советского Союза, В.Д. Суходоло был призван в РККА, воевал в самый страшный период войны, защищая Ленинград. Был тяжело ранен, в блокадном городе умирал от газовой гангрены, потерял ногу, защищая мир от фашизма. Получил высшее образование в Томском мединституте, стал ученым, профессором, навсегда оставаясь высокоинтеллигентным, порядочным и честным человеком. Россию он считал своей родиной, в то же время трепетно сохраняя теплую память о родителях, детстве и месте рождения.

Кстати, о творчестве Владимира Демьяновича. Он неплохо рисовал с детства, и художественное восприятие всего происходящего было всеобъемлющим и непрерывным. Когда родился наш сын Володя, дед первым делом обучил его рисованию. И я могу с радостью и гордостью констатировать, что сын хорошо рисует и обладает художественным вкусом.

Дальше жизнь потекла в привычном русле: рабочие будни, карьерный рост, защита диссертации, все, что и наполняет, и отравляет ее одновременно. Неизменным оставались наши дружеские диалоги с Владимиром Демьяновичем. Я стал ближе узнавать его друзей и окончательно понял истину «Скажи мне, кто твой друг...»

Прошло почти 20 лет со дня смерти Владимира Демьяновича. У нас в квартире, на даче, у сотрудников кафедры нормальной физиологии висят его живописные работы. Я познакомился с родственниками в Польше, мы поддерживаем теплые отношения. И каждый год 9 Мая идем в колонне Бессмертного полка с портретами наших фронтовиков.

ЧУВСТВО ГОРДОСТИ ЗА МОЕГО ДЕДА ПЕРЕПОЛНЯЕТ МЕНЯ

**Владимир Владимирович Шипулин,
аспирант, Научно-исследовательский
институт кардиологии (г. Томск), внук**

Писать воспоминания о деде Вове мне нелегко: вроде, прекрасно помню его, образ в голове четкий и ясный, а как дело доходит до подробностей – в памяти образуются провалы, и общая картина с трудом обрастает деталями. Возможно, это потому, что когда деда не стало, мне было всего девять лет, а может, – это особенности восприятия мира единственным ребенком в семье.

Среди всех воспоминаний несколько выделяются особенно ярко. Первое – как мы рисовали. Как только я оказывался в его квартире, сразу же бежал к подоконнику, на котором стояли кружки с кистями разного калибра.

Если он не писал картины, то подкрашивал различные детали в самодельных шкатулках и предметы интерьера, делая мир вокруг себя ярче. Дед любил рисовать и научил этому меня. Именно он привил мне тягу к изобразительному искусству, которая сыграла роль в моем развитии. Еще дед успел научить меня играть в шахматы, что я неплохо делаю до сих пор.

Нельзя не вспомнить праздники 9 Мая. Мне на ум не приходит какой-то конкретный год – все праздники слились в одно воспоминание-ощущение. Помню, как он надевал свой парадный китель, тяжелый от наград. Потом мы встречались всей семьей и шли на парад. Ощущение праздника и сопричастности к прошедшей страшной войне и Великой Победе не покидало. Помню, сижу на скамейке в один из таких дней с обоими дедами – В.Д. Суходоло и М.Д. Шипулиным, и чувство гордости за моих орденоносцев переполняет меня! Дед Вова приходил к нам в школу и рассказывал про войну. Воевал он недолго – с 22 июня по 27 сентября 1941 г., когда было тяжело

ранен и отправлен в госпиталь блокадного Ленинграда. Его воспоминания про ужасы бомбежек, артобстрелов и блокадный Ленинград были горькими и тяжелыми. Вообще, он был прекрасным рассказчиком: его повествования всегда были яркими, как и сюжеты его картин.

Каждый год 9 Мая мы рядом с дедом – в шествии Бессмертного полка. Я очень горжусь им!

Встреча ветеранов Великой Отечественной войны в школе № 10, 1989 г.

ЧЕЛОВЕК-ЛЕГЕНДА

**Михаил Андреевич Медведев,
академик Российской академии наук,
д-р мед. наук, профессор, заведующий
кафедрой нормальной физиологии
СибГМУ**

В 1958 г. я поступил в аспирантуру при кафедре нормальной физиологии, которой руководил профессор Евгений Фёдорович Ларин. Во время учебы в институте я увлекался хирургией, был в научном кружке кафедры госпитальной хирургии, которую возглавлял академик Андрей Григорьевич Савиных. Естественно, я волновался и думал, как меня встретит коллектив кафедры.

На кафедре работали фронтовики: профессор Е.Ф. Ларин, В.О. Локотко, В.Д. Суходоло, Е.И. Селицкий и другие, которые создавали ауру трудолюбия, добросовестного отношения к науке и учебному процессу, бережного сохранения микроклимата и нетерпения бездействия и халатности. Не считаясь со временем и общественной занятостью, много внимания уделяли хирургии, виртуозно оперировали на желудочно-кишечном тракте собак, предлагали свои методики. Особо мне бы хотелось отметить Владимира Демьяновича Суходоло, человека-легенду, который в 20 лет под Ленинградом получил тяжелое ранение, перенес длительное лечение, с отличием окончил Томский медицинский институт и связал свою судьбу с *alma mater*.

При выборе места работы – ординатура у профессора Д.Д. Яблокова или аспирантура при кафедре нормальной физиологии – Владимир Демьянович остановился на последнем варианте.

Мне посчастливилось работать с профессором В.Д. Суходоло долгие годы, и я бесконечно рад и благодарен нашему общению, дружбе, участию во многих научных конференциях, съездах, конгрессах. В.Д. Суходоло был выдающимся ученым, открывшим первым в мире периодическую секрецию слюны.

Весенний день в Университетской роще. Слева направо: В.Д. Суходоло, Е.Ф. Ларин, А.В. Елькина, В.О. Локотко, 1954 г.

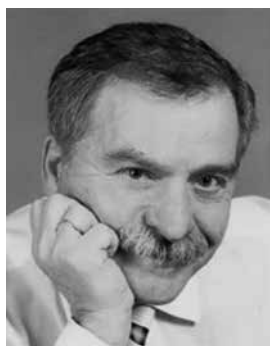
Молодые сотрудники кафедры нормальной физиологии. Слева направо: В.Д. Суходоло, А.В. Елькина, В.О. Локотко, 1955 г.

Коллектив кафедры нормальной физиологии Томского медицинского института, 1958 г. Слева направо: профессор Е.Ф. Ларин, аспирант М.А. Медведев, доценты В.О. Локотко, А.В. Елькина, В.Д. Суходоло

Игра в шахматы. Заведующий кафедрой нормальной физиологии профессор Е.Ф. Ларин и доцент В.Д. Суходоло, 1959 г.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИ ОБРАЗОВАННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Александр Николаевич Байков,
д-р мед. наук, профессор, заведующий
Центральной научно-исследовательской
лабораторией СибГМУ

Когда я в 1975 г. после окончания Томского медицинского института начал обучение в аспирантуре и пришел на кафедру нормальной физиологии, то сразу обратил внимание на зрелого мужчину интеллигентного вида с благородной улыбкой и веселым прищуром глаз. Мне он показался проверяющим из руководства института. Когда же я вновь появился на заседании кафедры у заведующего профессора Михаила Андреевича Медведева, то познакомился с этим великолепным человеком, профессором кафедры нормальной физиологии Владимиром Демьяновичем Суходоло.

Он был человеком советского менталитета, взявшим все лучшие принципы жизни из прошлого. Я никогда не слышал, чтобы он повышал голос, хотя случалось, что кто-то из коллег нарушал законы рабочей этики. Владимир Демьянович очень спокойно, убедительно и настойчиво рекомендовал провинившемуся пересмотреть свое отношение к работе. И никто никогда на него не обижался.

Природный интеллект, строжайшие этические позиции и интеллигентность снискали огромное уважение к профессору. Пройдя страшные дни войны при защите Ленинграда, где он был тяжело ранен в сентябре 1941 г., Владимир Демьянович не озлобился, не ожесточился, не изменил своих мировоззренческих позиций.

Он мягко и улыбчиво общался с нами, тогда молодыми аспирантами и преподавателями, передавая свои знания и жизненный опыт. Он был безгранично предан любимому делу, занимался наукой, обучал студентов, был бессменным куратором студенческого кружка, председателем регионального физиологического общества.

Владимир Демьянович был творческим человеком. Он был очень широко эрудирован не только в медицине, науке, но и в культуре и искусстве. Как-то мы разговорились о роли античного искусства в развитии эпохи Возрождения и последующих этапов и направлениях живописи. Я высказал соображение, что греческий период развития был решающим для художественного мышления мастеров. Владимир Демьянович согласился, но добавил, что большую роль в становлении любого искусства играет меняющаяся историческая и культурная специфика развития мирового пространства. Мы очень долго беседовали на темы искусства и тогда я узнал, что Владимир Демьянович великолепно пишет картины маслом и акварелью. Он пообещал подарить мне что-нибудь из своей коллекции. И действительно, на одном из моих юбилеев он вручил мне картину «Токовище», которая и сейчас мне напоминает о моем учителе и коллеге.

Владимир Демьянович был прекрасным организатором. Он говорил: «Александр Николаевич, мы с Вами очень близки по наклонностям и пристрастиям в общественной жизни». В молодости он, как и я, возглавлял профсоюзную организацию вуза и был членом обкома профсоюза медработников.

Хочу вспомнить еще одну знаковую беседу с Владимиром Демьяновичем. Мне было интересно, почему он часто в своих выступлениях употребляет слово «квинтэссенция». Я спросил и получил исчерпывающий ответ: авторство принадлежит Аристотелю и означает пятый элемент или «пятую сущность» (вслед за водой, землей, огнем и воздухом). В общефилософском понимании «квинтэссенция» – это сущность всего, что обсуждается и анализируется. Такие тонкие материи мне редко приходилось с кем-то обсуждать.

Как собеседник Владимир Демьянович был энциклопедически грамотен, очень убедителен в суждениях и спокоен даже в горячем диалоге. У него был мягкий, добрый и легкий характер, позитивная аура и располагающая внешность – все, что неотделимо от авторитета ученого, фронтовика и Учителя.

КОЛЛЕГА, С КОТОРЫМ ПРИЯТНО РАБОТАТЬ И ОБЩАТЬСЯ

Юрий Наумович Штейнгардт,
д-р мед. наук, профессор,
г. Беер-Шева, Израиль

Я знал Владимира Демьяновича Суходоло почти 40 лет по совместной работе в Томском медицинском институте на педиатрическом факультете. Мы систематически общались на ученых советах, собраниях. Во время своей работы в деканате и ректорате я был в курсе деятельности Владимира Демьяновича на кафедре физиологии.

Он принадлежал к числу таких людей, с которыми приятно общаться и легко работать. Он был разумно скромен и тактичен, благо-склонен, выдержан вообще и в своих оценках, не старался искусственно выделяться. Насколько мне известно, также его воспринимали и другие. Я рад, что имел возможность работать и общаться с ним.

ДОСТОЙНЫЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ И.П. ПАВЛОВА

**Лидия Васильевна Лебедева,
д-р мед. наук, профессор,
детский фтизиатр, г. Москва**

Пока живешь, убеждаешься, что время пролетает неумолимо быстро. Вот уже мне исполнилось 92 года, моему мужу было бы 96 лет, а его другу Владимиру Демьяновичу Суходоло исполнилось бы летом 2019 г. 100 лет. Дата юбилейная!

Знакомство мое с Владимиром Демьяновичем и всей нашей семьи продолжалось более 25 лет. Муж мой Николай Николаевич Лебедев и Владимир Демьянович Суходоло познакомились на одной из научных конференций и не прерывали связи на протяжении всех последующих лет. Оба профессора, занимающиеся нормальной и патологической физиологией, а именно проблемами желудочно-кишечного тракта, развивали учение И.П. Павлова. Они стремились объяснить рефлекс, изучая и животного, и человека. Стремилась выработать здоровый режим питания взрослого индивидуума. Так мне представлялись их научные устремления.

Мне приходилось наблюдать, как у нас дома они горячо обсуждали результаты своих опытов. Занимались до позднего вечера. Глядя на них, я вспоминала академика Ивана Петровича Павлова и видела достойных и надежных его последователей.

При первом знакомстве Владимир Демьянович удивил меня своим величием. Он выглядел богатырем с красивой крупной головой, приветливым взглядом и доброй улыбкой. Обладал уверенной походкой, несмотря на то, что опирался на тросточку.

Владимир Демьянович был фронтовиком. В сентябре 1941 г. получил ранение при обороне Ленинграда и остался без ноги. Он всегда был в хорошем настроении, старался поддержать добрым советом в трудную минуту, что нередко было очень кстати. Мне

запомнилось его выражение, что на каждую жизненную неприятность нужно искать антидот.

Владимир Демьянович остался вдовцом в 42 года с 10-летней Ирой на руках. Иногда он останавливался у нас вместе с дочкой. Помню однажды утром я, заглянув в комнату к Владимиру Демьяновичу, чтобы позвать его завтракать, увидела картину, достойную кисти художника. Он располагался на диване, а перед ним на коленях на полу сидела его дочь Ирочка и укрепляла протез на бедре его левой ноги. Такие картины не забываются. Часто рассматриваю фотографии, на которых запечатлены и оба наши профессора, и их коллеги. Но такой постоянной дружбы, какая была между Владимиром Демьяновичем и моим мужем, с другими учеными не было.

В нашем доме хранится подарок Владимира Демьяновича – тяжелая ступка с пестиком. Он сказал, что они будут напоминать о наших беседах. А беседы были не только о науке. Всех в 1990-е беспокоила ситуация в стране, ее будущее. Оба профессора высказывали беспокойство за развитие фундаментальной науки в новых условиях. Владимир Демьянович проявлял оптимизм и не терял надежды на то, что все уладится. Жаль, что высказывания его тогда не записывались.

Прошло 20 лет после кончины Владимира Демьяновича, а в моих воспоминаниях он остается живым.

Царство ему небесное! Счастье его потомкам!

ЧУДЕСНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ

**Александр Исаакович Венгеровский,
д-р мед. наук, профессор,
заведующий кафедрой фармакологии
СибГМУ**

В 1969 г. я окончил шестую школу г. Томска и поступил на лечебный факультет Томского медицинского института. Еще в школе я был немного знаком с Ирой Суходоло, она училась на год раньше меня, тогда во 2-м классе. Ее мама врач Елена Григорьевна и моя мама Ольга Александровна были хорошо знакомы друг с другом, вместе сидели на общешкольных родительских собраниях. Возвращаясь домой, моя мама рассказывала, как они дружно провели время на этом скучном мероприятии.

Со второго семестра 1-го курса лекции по гистологии нам стала читать обаятельная и остроумная профессор Надежда Миновна Тихонова. Мне сразу же захотелось заниматься в научном студенческом кружке у нее, тем более, что кружковцем уже была Ира Суходоло. Надежда Миновна с места в карьер предложила изучать гистхимию коры надпочечников у собак, у которых экспериментально вызывали потерю тощачовых соков. Руководителем этого направления был доцент кафедры нормальной физиологии Владимир Демьянович Суходоло. В то время он завершал работу над докторской диссертацией. Я не владел никакими гистологическими методами, Надежда Миновна нам не помогала, но чудесным, непонятным образом чему-то удалось научиться. Мы получали органы для исследования на кафедре физиологии. Владимир Демьянович проводил вскрытие собаки, около него с баночками с фиксирующей жидкостью стояла длинная очередь участников эксперимента, преподавателей и студентов разных курсов. Владимир Демьянович громким голосом называл орган, тут же подбегал его исследователь и получал материал. Однажды собака погибла ночью. Рано утром нас вызвали

на кафедру физиологии. Все пришли, понимая, каким трудоемким был эксперимент и как важно его своевременно закончить. Вспоминается ужасный запах в лаборатории, мы приоткрыли дверь, но ее захлопнул страшно возмущенный заведующий кафедрой профессор Евгений Фёдорович Ларин. На 2-м курсе я выступал с докладом на научной студенческой конференции Студенческого научного общества им. Н.И. Пирогова. Доклад мне помогать подготовить Владимир Демьянович. Работали мы у него дома, в маленькой квартире на улице Тверской, 105. Владимир Демьянович посмотрел, что я написал, и стал буквально диктовать новый текст, сразу называл авторов, на которых нужно ссылаться. Он говорит: «Гросси и Грасси», я записываю: «Росси и Расси». Исправили вовремя.

Все бы было замечательно, если бы не работа с собаками. Очень не хотелось уходить от такого чудесного человека и руководителя, как Владимир Демьянович, но я все же решился. На 3-м курсе мне предложил тему для научной работы с прицелом на кандидатскую диссертацию заведующий кафедрой фармакологии профессор Альберт Самойлович Саратиков, к тому же наш сосед по дому. Эксперименты выполняли на более простых для меня животных – белых крысах. О своей «измене» я честно рассказал Владимиру Демьяновичу, и он меня благополучно отпустил.

Лекции по нормальной физиологии студентам 2-го курса лечебного факультета блестяще читал Евгений Фёдорович Ларин, но одну лекцию по физиологии системы крови мы прослушали в исполнении Владимира Демьяновича. Как раз на эту лекцию я притащил своих одноклассников, студентов Томского государственного университета. Лекция была прочитана замечательно. Основной курс Владимир Демьянович читал студентам педиатрического факультета.

Экзамен по физиологии принимали несколько профессоров и доцентов в одной учебной комнате. Студенты по очереди подходили к свободному экзаменатору. Все стремились попасть к справедливому и доброму Владимиру Демьяновичу. Я сдавал экзамен доценту, потом профессору, строгой Анастасии Дмитриевне Грациановой, получил «отлично». В дальнейшие годы мне посчастливилось много раз встречаться с профессором Владимиром Демьяновичем Суходоло. Все встречи оставляли теплое и радостное чувство.

ЛЮДЕЙ НУЖНО ЛЮБИТЬ

**Иван Анатольевич Деев, д-р мед. наук,
профессор, заместитель губернатора
Томской области по социальной
политике**

Уже в самом начале обучения в медицинском университете любого студента интересуют дисциплины специализированного характера, а учить приходится и физику, и химию, и иностранный язык. Но все с особым удовольствием посещают такие предметы, как анатомия, гистология, физиология. Эти первые специальные дисциплины запоминаются не только новым набором знаний, но еще и преподавателями, которые являются непререкаемыми авторитетами. Вспоминая нормальную физиологию, могу сказать однозначно – для нашей группы такой фигурой был Владимир Демьянович Суходоло. Он читал лекции по предмету и вел практические занятия в нашей группе. Легко и строго, просто и сложно, при этом всегда находил место шутке и самоиронии. Чего стоило только его изречение «Я самый большой слюнтяй Советского Союза» – так он обозначал научное направление области физиологии пищеварения, которое выбрал когда-то для себя на всю жизнь.

Кроме классических лекций и практических занятий Владимир Демьянович уделял большое внимание воспитательной работе: «Делаю из вас людей». Я приведу три наиболее ярких эпизода, которые надолго останутся в памяти у меня и моих коллег.

Конфетка за честность

Утро, первая лекция – по нормальной физиологии. Аудитория в староанатомическом корпусе на втором этаже, все только встретились после выходных, шумно, каждый хочет поделиться друг с другом впечатлениями от выходных.

С учебной группой студентов

В аудиторию входит профессор. Приветствуем стоя, получаем знак, разрешающий присесть, начинается лекция, пишем. Через положенное время профессор объявляет перерыв и просит отметить присутствующих на лекции. Мы, разумеется, как все нормальные студенты пишем напротив каждой группы «все присутствуют», довольные кладем листок на стол преподавателю.

Начинается вторая часть лекции, и Владимир Демьянович спрашивает: «А кто у вас староста курса?» Поднимаюсь, отвечаю: «Я». Приглашает пройти к нему, к лекторской кафедре, с прищуром интересуется: «А сколько у вас человек на курсе?» Отвечаю: «Сто двадцать». Опять с прищуром: «А в аудитории 83, а вы пишете, что все присутствуют, даю вам 15 минут, исправляйте список». Нехотя, но, понимая, что, скорее всего, еще будет поднимать, переписываем список, чтобы получилось 83. Отдаю ему. Молчание, внимательно смотрит, достает из кармана карамельку и говорит: «А это тебе за честность!»

Каждый последующий список на лекциях у Владимира Демьяновича приходилось писать честно, он считал и непременно давал конфетку. Потом это было прямо как условный рефлекс: ты – честный список, а тебе – конфетку, и на курсе появилось стойкое выражение, которое мы использовали до конца обучения в вузе. Да и

сейчас иногда при встрече у кого-нибудь из коллег, того и гляди, промелькнет: «Да мне карамельку за честность давать нужно!»

Бери ответственность на себя

Изучив вопросы с честностью, привыкнув к карамелькам и уже сдружившись с Владимиром Демьяновичем, на занятиях мы несколько расслабились, иногда не все были готовы к ответам. Он и тут мотивировал нас по-своему. Спрашивал одного, второго, третьего. Ответы могли быть неполные, или же вовсе скудные, как говорят студенты, «пык-мык». Тогда поднимал меня и заставлял рассказывать все от начала до конца, полностью. Все занятие задавал уточняющие вопросы, только после того, как убеждался, что ты знаешь тему, говорил: «Если кто-то в группе не готов, виноват староста, его и буду спрашивать впредь, рыба же с головы гниет. Сможет ответить – всем повезло, не сможет – всем двойки». Это повторилось и на следующем занятии и еще раз. И я сделал все, чтобы у моих одноклассников материал от зубов отскакивал, все учили физиологию, так как я им спокойно жить не давал. В итоге всей группой написали олимпиаду на «отлично».

Людей нужно любить

Однажды во время перерыва на практическом занятии двое моих одноклассников повздорили друг с другом, все это было очень эмоционально, крайне экспрессивно. В разгар ссоры в кабинет вошел Владимир Демьянович, остановил повздоривших, вызвал их к доске.

Очень понятно, с характерным прищуром, объяснил, что ругаться, конечно, можно, а иногда и нужно, но при этом нельзя переходить определенных границ приличия, закончив фразой: «Людей, коллеги, надо любить, тогда, быть может, они тебе тоже когда-нибудь что-нибудь хорошее сделают». Этот эпизод часто прокручивали с одноклассниками в разных ситуациях, а выражение «Людей надо любить» остается крылатым до сих пор.

ТЕПЛЫЕ СЛОВА В ПОДДЕРЖКУ

**Юрий Валентинович Бушов,
д-р биол. наук, профессор, заведующий
кафедрой физиологии Томского
государственного университета**

*В*первые мы встретились и познакомились с Владимиром Демьяновичем в конце 1970-х на одном из заседаний Томского отделения Всесоюзного (Всероссийского) физиологического общества имени И.П. Павлова. Владимир Демьянович в ту пору был уже известным ученым и председателем Томского отделения, а я являлся молодым и зеленым научным сотрудником Научно-исследовательского института биологии и биофизики при ТГУ и свеженеспеченным членом этого общества.

Как-то мне предложили на одном из заседаний сделать научный доклад по теме моей будущей кандидатской диссертации. На заседании присутствовали многие томские физиологи. Во время доклада я сильно волновался, отвечал на вопросы не очень удачно и потому остался недоволен собой. После доклада Владимир Демьянович поблагодарил меня за интересное сообщение и сказал несколько теплых слов в мою поддержку.

Однажды мне довелось побывать в квартире Владимира Демьяновича, нужно было срочно подписать какую-то бумагу. Я обратил внимание, насколько скромно живет известный профессор.

В ходе общения с Владимиром Демьяновичем по делам физиологического общества или по делам, связанным с организацией и проведением научных конференций, у меня сложилось мнение о нем, как о человеке очень скромном, доброжелательном, искреннем и чрезвычайно порядочном. В моей памяти сохранились самые теплые и светлые воспоминания об этом прекрасном человеке.

УНИКАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Татьяна Павловна

Попадейкина (Краснопёрова),

компания «Арго», г. Томск

В далекой юности, не поступив в Томский медицинский институт (не хватило всего полбалла), я попала на кафедру нормальной физиологии лаборантом. Владимир Демьянович встретил меня с вниманием и теплотой, вероятно, чувствуя, в каком угнетенном состоянии я тогда находилась. До сих пор считаю, что мне повезло целый год работать под руководством этого уникального человека.

В мои обязанности входила подготовка собак к проведению экспериментов, мне тогда представлялось, что именно так и было в лаборатории академика И.П. Павлова. Вспоминая то время, хочется отметить мудрость и чуткость Владимира Демьяновича, его высокий профессионализм ученого и руководителя. Владимир Демьянович не заведовал кафедрой, но фактически часто исполнял обязанности заведующего. Как грамотно была организована работа на кафедре, какая спокойная и деловая атмосфера царила на ней, с каким уважением относились друг к другу преподаватели и студенты!

Уникальность личности Владимира Демьяновича, его обаяние, тактичность и галантность настоящего мужчины сохранились в моей памяти до сего времени. С теплотой и благодарностью я вспоминаю то время!

Владимир Демьянович был человеком редкой чистоты души, кристальной честности и бесконечной заботы о людях! Я благодарна судьбе за встречу с Владимиром Демьяновичем.

СОБАКА БЕЗ ФИСТУЛЫ – НЕ СОБАКА

**Марина Львовна Седокова,
канд. биол. наук, доцент кафедры
медико-биологических дисциплин
Томского государственного
педагогического университета**

Судьба свела меня с профессором В.Д. Суходоло в 1985 г. Он любезно пригласил меня на кафедру нормальной физиологии тогда еще медицинского института для научной работы. Тему будущей кандидатской диссертации определили буквально в первый день встречи. Наша совместная работа длилась более 10 лет. Подружились мы с первых дней знакомства, иначе и не могло быть.

При встрече Владимир Демьянович всегда улыбался, доброжелательно приветствовал и угощал конфеткой. Конфеты были у него припасены в столе на тот случай, если к нему в кабинет зайдет коллега. Наша экспериментальная работа требовала высокой работоспособности, внимательности и терпения.

Нам приходилось искать на улице бездомных собак для проведения эксперимента. После операций животных выхаживали, откармливали. У меня были особые в этом плане трудности. Для моих исследований были необходимы щенки. А они требовали к себе повышенного внимания. Тщательному уходу меня учил профессор своим личным примером, и подвести я его не могла.

Оперировали в один день две, а иногда и три собаки. А это означало, что у операционного стола приходилось стоять 3–4 часа. Владимир Демьянович демонстрировал всегда четкие, умелые действия хирурга и никогда не показывал, что устал, а ведь стоял на одной ноге – свою любимую тросточку оставлял у входа в операционную.

До сих пор вспоминаю колбасу, которую профессор приносил для угощения кафедральных собак. В те времена колбаса в магазинах

была большой редкостью, а мы, всегда голодные аспиранты, с великим удовольствием ее доедали с чаем.

У профессора был очень неразборчивый почерк. Когда он делал свои замечания, корректировал текст или давал письменные указания сотрудникам своей рукой, возникали большие проблемы в их прочтении. Я настолько приспособилась читать его рукопись, что все сотрудники обращались ко мне за помощью.

Навсегда остались в памяти часто повторяемые им слова «Собака без фистулы – это не собака».

В экспериментальной лаборатории кафедры нормальной физиологии, 1949 г.

ВСТРЕЧИ С ВЛАДИМИРОМ ДЕМЬЯНОВИЧЕМ – ПОДАРОК СУДЬБЫ

Эльвира Ильинична Крейман,
сотрудник научной библиотеки СибГМУ

*В*стречи с интересными людьми – дар божий. Этим даром меня наградила судьба, и не однажды. За годы работы в библиотеке медицинского университета у меня таких встреч было много. Какое удовольствие было общаться с Владимиром Демьяновичем Суходоло! Человек, закончивший гимназию, что уже о многом говорило, фронтовик. Для меня фронтовик – это святое.

Однолюб, прекрасный отец, воспитавший добрую, душевную дочь Ирочку, Ирину Владимировну Суходоло. Приходя в библиотеку, Владимир Демьянович всегда находил для меня приятные слова, и я просто от них расцветала. Всегда стоял в очереди с другими читателями, никогда не соглашаясь на заслуженный приоритет. Скромность, культура!

РЯДОМ С НИМ ОЩУЩАЛА СЕБЯ ПАНИ

Надежда Ивановна Момонова,

друг семьи

Суходоло – Шипулиных

*В*ладимир Демьянович был образцом мужчины и по отношению к работе, и по отношению к семье, и по отношению к женщинам. Рядом с ним я, видимо, как и другие женщины, начинала ощущать себя пани, все комплексы улетучивались от его слов и незабываемой улыбки. Помню, проходя по коридору СибГМУ в период моей краткосрочной работы там, увидела кабинет с его именем на табличке и решила зайти поздороваться. Он тут же разулыбался и... встал. Не мог он сидеть в присутствии женщин, несмотря на сложность процесса вставания для него.

Помню, как мы с паном Адамом из Польши приходили к нему. Многое вспомнили давно позабытое... Прошло почти 20 лет после его ухода, а помню его, как будто видела вчера. Он жив в моей памяти.

ПОМНИМ И ГОРДИМСЯ

Светлана Аркадьевна Борзунова
(Новикова), 1952–2006

*П*омним и гордимся
Пришла весна – земли цветенье,
И снова травы зелены,
И вновь приходит поколение
Детей, не знающих войны.
В рассказах, в книгах, на экранах,
Несущих правду вдаль веков,
Хранится подвиг, доблесть, храбрость
Советских воинов-бойцов.
И мир спасенный не забудет
Солдат тех, павших и живых,
Кто заслонил бесстрашной грудью
От смерти злой детей своих.
И в этот праздник, День Победы,
От тех, кто вами был спасен,
Примите же, отцы и деды,
От нас, детей своих, поклон.

1970 г.

Основные публикации В.Д. Суходоло

1. Корочкин А.И., Суходоло В.Д. Некоторые данные по нейрогистологии и гистохимии моторной и секреторной деятельности кишечника собак. Архив анатомии, гистологии и эмбриологии. 1965. № 11. С. 23–30.
2. Korochkin L.I., Sukhodolo V.D. Neurohistology and histochemistry of motor and secretory activity of the dog's intestine. Fed. Proc. Transl. Suppl. 1966. Vol. 25, № 4. P. 661–665.
3. Ларин Е.Ф., Суходоло В.Д., Грацианова А.Д. Периодическая моторная и секреторная деятельность 12-типерстной кишки натошак и во время пищеварения. Физиологический журнал СССР им. И.М. Сеченова. 1968. Т. 54, № 2. С. 220–226.
4. Суходоло В.Д. Роль парасимпатических нервов в регуляции периодического отделения слюны у собак. Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. 1969. Т. 67, № 3. С. 13–16.
5. Суходоло В.Д. К механизму регуляции периодической секреции слюны у собак. Физиологический журнал СССР им. И.М. Сеченова. 1969. Т. 55, № 1. С. 63–70.
6. Ларин Е.Ф., Суходоло В.Д., Грацианова А.Д. К механизму нервной регуляции периодической моторной и секреторной деятельности 12-перстной кишки. Физиологический журнал СССР им. И.М. Сеченова. 1969. Т. 55, № 2. С. 213–220.
7. Суходоло В.Д., Чердынцев С.Г., Баранова Е.И., Трапезникова Н.К., Бокова В.С. Гипергликемический синдром у собак при потере секретов главных пищеварительных желез. Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. 1970. № 11. С. 51–53.
8. Тихонова Н.М., Суходоло В.Д., Пичурина Р.А., Гордиевский С.А., Лутошкина А.И. Экспериментально-морфологическое изучение кишечника, печени и поджелудочной железы при тотальной потере тонцаковых соков. Архив патологии. 1971. № 10. С. 64–68.
9. Суходоло И.В., Тихонова Н.М., Суходоло В.Д. Влияние секреторной деятельности слюнных желез на морфофункциональное состояние островков поджелудочной железы. Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. 1977. Т. 11, № 5. С. 1397–1399.
10. Мелева Н.С., Суходоло В.Д. Влияние калликренна и слюнных желез на состав желчи. Физиологический журнал СССР. 1979. Т. 15, № 5. С. 747–750.
11. Васильев В.Н., Суходоло В.Д. Секреторная и экскреторная функция желудка при удалении подчелюстных слюнных желез. Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. 1980. Т. 80, № 2. С. 725–727.
12. Землякова З.М., Суходоло В.Д. Биохимические показатели желчи в диагностике воспалительных и функциональных заболеваний желчевыводящей системы у детей. Педиатрия. 1980. № 9. С. 10–12.
13. Васильев В.Н., Суходоло В.Д. Секреторная и экскреторная функции желудка при удалении подчелюстных слюнных желез. Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. 1980. № 1. С. 525–527.

14. Васильев В.Н., Суходоло В.Д. Секреторная и экскреторная деятельность желудка при потере слюны и удалении больших слюнных желез. Физиологический журнал СССР. 1980. Т. 66, № 9. С. 1383–1387.
15. Суходоло В.Д., Мелева Н.С. Динамика желчеотделения у крыс после удаления слюнных желез. Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. 1981. Т. 81, № 12. С. 669–670.
16. Васильев В.Н., Суходоло В.Д. Динамика секреторной и экскреторной функции желудка и активности калликреин-кининовой системы при удалении околоушных слюнных желез. Физиологический журнал СССР. 1981. Т. 67, № 2. С. 247–251.
17. Васильев В.Н., Суходоло В.Д., Киселев В.И., Панченко А.А. Влияние слюнных желез на интенсивность кининогенеза в плазме крови. Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. 1982. № 2. С. 193.
18. Васильев В.Н., Панченко А.А., Киселев В.И., Суходоло В.Д. Влияние слюнных желез на интенсивность кининогенеза в плазме крови. Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. 1982. № 4. С. 3–5.
19. Суходоло И.В., Суходоло В.Д., Бацула Л.Н., Фомина Т.И. Функциональная морфология glanduloцитов фундальных желез желудка при постоянном воздействии желчи. Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. 1982. Т. 44, № 10. С. 123–125.
20. Sukhodolo I.V., Morozov I.A., Sukhodolo V.D. The phase morphofunctional variability of G-cells and contractile activity of empty canine stomach. Physiology and pharmacology of empty smooth muscle: Abstracts of papers International symposium. Varna, 1988. P. 126.
21. Суходоло И.В., Морозов И.А., Суходоло В.Д. Функциональная морфология гастринпродуцирующих клеток в разные фазы периодической деятельности органов пищеварения. Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. 1990. Т. 9, № 3. С. 410–412.
22. Суходоло И.В., Суходоло В.Д., Морозов И.А. Функциональная морфология гастринпродуцирующих клеток в разные фазы периодической деятельности желудка у собак. Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. 1990. Т. 79, № 4. С. 410–412.
23. Васильев В.Н., Суходоло В.Д. Некоторые аспекты нейрогуморальной регуляции периодической деятельности органов пищеварения. Успехи физиологических наук. 1994. № 25. С. 83.
24. Суходоло В.Д., Суходоло И.В. Периодическая деятельность главных пищеварительных желез. Томск, 1987. 152 с.
25. Суходоло В.Д. Слюна. В кн.: Большая советская энциклопедия. Москва, 1976. С. 598.
26. Суходоло В.Д. Слюноотделение. В кн.: Большая советская энциклопедия. Москва, 1976. С. 599.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. И.В. Суходоло.....	4
Яркий представитель поколения победителей. В.Н. Васильев	5
Это был прекрасный мальчик. В. Гарустович.....	22
До сих пор сверяю свои поступки с его мнением. И.В. Суходоло.....	25
Истинные ценности непреложны. В.М. Шипулин	42
Чувство гордости за моего деда переполняет меня. В.В. Шипулин.....	45
Человек-легенда. М.А. Медведев.....	47
Энциклопедически образованный человек. А.Н. Байков.....	50
Коллега, с которым приятно работать и общаться. Ю.Н. Штейнгардт	52
Достойный последователь И.П. Павлова. Л.В. Лебедева	53
Чудесный руководитель. А.И. Венгеровский	55
Людей нужно любить. И.А. Деев	57
Теплые слова в поддержку. Ю.В. Бушов.....	60
Уникальная личность. Т.П. Попадайкина.....	61
Собака без фистулы – не собака. М.А. Седокова	62
Встречи с Владимиром Демьяновичем – подарок судьбы. Э.И. Крейман	64
Рядом с ним ощущала себя пани. Н.И. Момонова.....	65
Помним и гордимся. С.А. Борзунова	66
Основные публикации В.Д. Суходоло.....	67

Научно-популярное издание

**ВОСПОМИНАНИЯ
О ПРОФЕССОРЕ СУХОДОЛО**

Под редакцией
Ирины Владимировны Суходоло, Владимира Николаевича Васильева

Серия «Наследие томской медицины»

Редактор: *Е.Е. Степанова*
Корректор: *Е.В. Литвинова*
Оригинал-макет, дизайн обложки: *А.А. Кривцова*

Издательство СибГМУ
634050, г. Томск, пр. Ленина, 107
Тел. 8-3822-51-41-53
E-mail: otd.redaktor@ssmu.ru

Подписано в печать 06.05.2020 г.
Формат 70х90 ¹/₈. Бумага мелованная. Печать офсетная.
Гарнитура Garamond. Печ. л. 8,75. Усл. печ. л. 8,13.
Тираж 100 экз. Заказ № 351.

Отпечатано в ООО «Литературное бюро»
634055, г. Томск, ул. Королева, 4
Тел. 8-3822-59-46-89

*Автор совершенно правильно
положил в основу своего
исследования богатейший
материал павловской школы,
который им не только хорошо
изучен, но и умело использован
при постановке многочисленных
опытов.*

Профессор Е.Ф. Ларин